

феткой, чтобы не было видно грязнаго дерева. Кувшинъ умывальный и тазъ тоже прикрыты были этой салфеткой.

Послѣ того сталъ ждать.

Она пришла въ четверть шестого и, поглядѣвъ на пеструю комнату, воскликнула:

— Э! да у васъ очень мило; только слишкомъ много народу на лѣстницѣ.

Онъ обнялъ ее и съ жаромъ сталъ цѣловать въ лобъ сквозь вуалетку.

Спустя полтора часа онъ проводилъ ее до извозничьей биржи въ Римской улицѣ. Когда она сѣла въ фіакръ, онъ прошепталъ:— До вторника; въ томъ же часу?

Она отвѣчала:— До вторника, въ томъ же часу.— И такъ какъ было темно, то притянула его голову къ дверямъ кареты и поцѣловала въ губы.

Но тутъ извозчикъ стегнулъ лошадь и m-me де-Марель вскричала:— Прощай, милый другъ!— И старый фіакръ покатился лѣниво, влекомый бѣлой, дряхлой клячей.

Въ продолженіе трехъ недѣль Дюруа принималъ у себя такимъ образомъ m-me де-Марель черезъ каждые два-три дня, то по утру, то вечеромъ.

Однажды, когда онъ ждалъ ее поутру, большой шумъ на лѣстницѣ привлекъ его вниманіе. Онъ раскрылъ дверь и прислушался. Ревѣлъ ребенокъ. Разъяренный, мужской голосъ закричалъ:— Чего онъ опять розорался?— Ворчливый, сердитый женскій голосъ отвѣчалъ:— Да вотъ эта мерзкая кокотка, что шляется къ журналисту, опрокинула Николашу на лѣстницѣ. И зачѣмъ только пускаютъ такую дрянъ; не видить, что на лѣстницѣ стоитъ ребенокъ.

Дюруа внѣ себя отскочилъ, такъ какъ слышалъ шелестъ юбокъ и поспѣшные шаги на томъ поворотѣ лѣстницѣ, который велъ къ нему. Вскорѣ постучались въ дверь, которую онъ только что заперъ. Онъ отворилъ и m-me де-Марель влетѣла запыхавшаяся, испуганная, внѣ себя.

— Ты слышалъ?

Онъ притворился, что не знаетъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ... а что?

— Какъ они меня оскорбили?

— Кто это?

— Негодяи, которые живутъ подъ тобой.

— Нѣтъ... Что случилось?— скажи.

Она разрыдалась и не могла произнести ни слова.